

ДОКУМЕНТЫ ОПРОВЕРГАЮТ

ПРОТИВ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ
РУССКО-КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

МОСКВА
«МЫСЛЬ» 1982

ИСТОРИЯ «ИЛИЙСКОГО ВОПРОСА» И ЕЕ КИТАЙСКИЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

«Илийский вопрос», т. е. вопрос о временном пребывании русских войск в Илийском крае «Новой территории» Цинской империи — Синьцзяна и о возвращении его цинским властям по Петербургскому договору 1881 г., является одним из объектов фальсификации со стороны современных китайских националистов, стремящихся «обосновать» территориальные притязания нынешнего китайского руководства к Советскому Союзу¹.

Тщательно умалчивая о характере мощного восстания некитайских народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 1864—1877 гг., направленного против маньчжуро-китайского владычества, маоистские историки подвергают резкой критике ввод русских войск в Илийский край с центром в г. Кульдже и их пребывание там в 1871—1881 гг. Этот вынужденный шаг русского правительства, связанный с обострившейся в результате антицинских выступлений в Синьцзяне военно-политической обстановкой на границах Казахстана, а также с англо-русскими противоречиями, Гу Юнь, например, интерпретирует как преднамеренную агрессию России против Китая и пишет: «Воспользовавшись благоприятным моментом, царская Россия послала свои войска на северо-запад нашей страны и захватила часть территории Китая»². Современные китайские авторы без каких-либо оснований пишут о «всенародном сопротивлении», которым якобы были встречены русские войска в Илийском крае³. Они также грубо фальсифицируют саму историю пребывания рус-

¹ См. Гуревич Б. П. Некоторые вопросы истории Казахстана и Средней Азии и их извращение в печати КНР. — «История СССР», 1979, № 2, с. 192—193.

² Гу Юнь. Указ. соч., с. 42.

³ Чжун Э Или тяо юэ (Китайско-русский Илийский договор). Пекин, 1978, с. 21—24.

ских войск в Кульдже, обвиняя их в «зверствах», «насилиях», «грабежах» и в других «злодеяниях» по отношению к местному уйгурскому населению. Так, например, авторы коллективной работы «История агрессии царской России в северо-западных районах Китая» под редакцией Го Шэнъю и Хэ Чэнхуа утверждают: «...в течение 10 лет Россия осуществляла здесь (в Илийском крае. — Б. Г.) кровавый режим колониального господства. Народы всех национальностей Илийского края при поддержке народа всей страны вели героическую самоотверженную борьбу против колониального господства царской России»⁴.

Выступая с такого рода голословными декларациями, китайские авторы обходят полным молчанием жестокие расправы маньчжуро-китайских карателей над повстанцами в Синьцзяне. Подавление народного восстания коренного населения Синьцзяна рассматривается ими ни больше ни меньше как «освобождение Синьцзяна» и чуть ли не как «счастливое возвращение» его мусульманского населения в лоно Цинской империи⁵. Неханьские народы Джунгарии и Восточного Туркестана, по их словам, якобы только и пеклись о том, чтобы «сохранить в целостности китайское государство», «скучали по родине» и, «невзирая на опасность для жизни, бежали от господства царской России», направляли послания цинским властям, требуя от цинского правительства «немедля выслать войска для изгнания агрессоров и возвращения утраченных земель»⁶, т. е., другими словами, восстановления господства маньчжуро-китайских колонизаторов в Синьцзяне.

Грубой фальсификации подвергается ныне в КНР и история заключения русско-китайского Петербургского договора 1881 г., который, по характеристике китайских авторов, «будучи одним из неравноправных для Китая соглашений», даже «превзошел» так называемый «неравноправный» Пекинский договор 1860 г. и Чугучакский протокол 1864 г.⁷ По этому договору,

⁴ Ша Э циньлюэ Чжунго сибэй бяньцзе цзянши, с. 206.

⁵ См. *Гу Юнь*. Указ. соч., с. 50; Синьцзян дицюй юй цзуго нэйдэ (Синьцзян и внутренние районы родины). Пекин, 1980, с. 72—73.

⁶ Ша Э циньлюэ Чжунго сибэй бяньцзе цзянши, с. 240.

⁷ Чжун Э Илли тьяо юэ, с. 1.

утверждают они, «большая часть территории», исконные «китайские земли» были якобы «грубо отторгнуты Россией»⁸ и «более 100 тыс. жителей Или были насильно выселены русскими властями» в Казахстан⁹. «Не боящиеся жестокостей жители Илийского края,— патетически восклицают авторы книги «Китайско-русский Илийский договор»,— оказали решительный отпор в ответ на их насильственное переселение в Россию; многие предпочитали смерть от острия мечей переселению из родных мест»¹⁰.

Авторы книги «Китайско-русский Илийский договор» одним росчерком пера перечеркивают всю историю мирных и добрососедских взаимоотношений между Россией и Китаем и утверждают, что «история китайско-русских взаимоотношений есть история злой агрессии России против Китая, есть история сговора военно-феодалной империалистической царской России с другими империалистическими государствами и их приспешниками...»¹¹.

Такую же задачу — бросить тень на политику России и представить ее как «самую агрессивную силу» в отношении Китая — преследует стремление некоторых историков КНР показать «тяжелые» последствия «тиранического правления» в Илийском крае русской администрации в 1871—1881 гг.¹² Они пишут об «исключительных бедствиях», которые якобы переживала «общественная экономика края», и об «ужасающих условиях» жизни его многонационального населения, в результате чего, мол, оно «уменьшилось на одну треть»¹³. В свете документальных источников, хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА), Архиве внешней политики России МИД СССР (АВПР) и в ряде других архивов Советского Союза, настоящая статья имеет целью показать подлинную историю «Илийского вопро-

⁸ См. *Гу Юнь*. Указ. соч., с. 51. Уже давно на страницах китайской печати встречается цифра 70 тыс. кв. км, призванная показать объем территориальных «потерь» Китая в результате подписания Петербургского договора 1881 г.— Ди эрци япьянь чжань чжэн (Вторая «опиумная» война). Шанхай, 1972, с. 60.

⁹ Чжун Э Или тяо юэ, с. 61.

¹⁰ Там же, с. 61—62.

¹¹ Там же, с. 65.

¹² Ша Э циньлюэ Чжунго сибэй бяньцзе цзянши, с. 240.

¹³ *Гу Юнь*. Указ. соч., с. 51.

са» и его урегулирования в 1881 г., которые не имеют ничего общего с писаниями пекинских националистов.

* * *

Американский китаевед Э. Сю в своей книге «Развитие современного Китая» писал: «Традиционно установлено, что Сиюй («Западный край». — Б. Г.) никогда не был неотъемлемой частью Китая, оставаясь для него пограничной территорией, которой он владел, когда был силен, и которую он терял, когда был слаб»¹⁴. Никаких долговременных связей с Джунгарией и Восточным Туркестаном, или «Западным краем», Китай не имел, а тем более таких связей не было у него с народами Казахстана и Средней Азии¹⁵.

Установление реального контроля Китая в «Западном крае» относится, как известно, только к периоду Цинской империи в результате уничтожения маньчжуро-китайскими войсками суверенных государств — Джунгарского ханства и государства ходжей в Восточном Туркестане в 1755—1759 гг. Тогда же цинские вооруженные силы попытались было вторгнуться в пределы Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири, но потерпели неудачу, уйдя обратно в пределы вновь созданного на территории Джунгарии и Восточного Туркестана имперского наместничества Синьцзян¹⁶.

Растущие успехи политики России в Казахстане и Средней Азии, сближение ее новых владений с владениями Цинской империи в Центральной Азии в первой половине XIX в. вызывали необходимость в решении между Россией и Цинской империей ряда межгосударственных вопросов, и в том числе вопроса о нормализации русско-китайской торговли в Центральной Азии. По условиям заключенного в 1851 г. Кульджинского договора русские купцы получили доступ в го-

¹⁴ Hsü Immanuel C. Y. The rise of Modern China. New York, 1970, p. 388.

¹⁵ См. Кучера С. Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и в уезде Жаохэсянь. — Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, ч. 3. М., 1975; История Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1977.

¹⁶ См. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.

рода Кульджу и Чугучак, где открывались консульства России¹⁷.

Сближение владений России с владениями Цинской империи в Центральной Азии также диктовало необходимость установления здесь русско-китайской границы. Она была в основном определена условиями Пекинского договора 1860 г. и связанного с ним Чугучакского протокола 1864 г.¹⁸, закрепившего фактически положение, которое сложилось в результате присоединения к России Казахстана и ряда районов Киргизии. Помимо Кульджи и Чугучака русские купцы теперь могли ездить с товарами в Кашгар. Здесь русскому правительству также разрешалось учредить свое консульство¹⁹.

В связи с начавшейся в собственно Китае в 1850 г. могучей крестьянской войной тайпинов и многочисленными антиправительственными и антикитайскими выступлениями неханьского населения в юго-западных и северо-западных провинциях Китая обстановка в Синьцзяне, где угнетательская и грабительская национально-колониальная политика маньчжуро-китайских властей со второй половины XVIII в. вызывала неоднократно восстания некитайских народностей, становилась все более напряженной. Отмечая это, один из русских чиновников, посетивший тогда Кульджу, писал в своем отчете: «Таранчи (т. е. илийские уйгуры. — Б. Г.) дошли до крайности и вынуждены были продавать своих жен и детей, чтобы удовлетворить требования маньчжур. В это время и свободное от податей племя дунган не было забыто маньчжурами: они обложили их податью серебром... потом увеличивали все более. Если же находились упрямые и не хотели платить, таковые привлекались к суду и строго наказывались, даже смертью»²⁰. Начавшееся в 1864 г. в Синьцзяне всеобщее антицинское восстание дунган и уйгуров было поддержано проживавшими здесь казахами и киргизами и вызвало симпатии их соплеменников, живших в Российской империи²¹.

¹⁷ См. Русско-китайские отношения, 1689—1916, с. 26—29.

¹⁸ См. там же, с. 35, 46—49.

¹⁹ См. там же, с. 36.

²⁰ ЦГИА Узбекской ССР, ф. II с., оп. 3, д. 73, л. 34.

²¹ ЦГВИА, ф. 483, д. 93, л. 2; ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 256.

7 июня 1864 г. против маньчжурского ига поднялось дунганское население г. Куча (Кучар) в Восточном Туркестане (Кашгария). Затем восстание перекинулось на города Карашар, Токсун и Турфан, населенные главным образом уйгурами, а 14 июня того же года поднялись дунгане и уйгуры в Урумчи. На протяжении лета в ходе антицинского восстания были освобождены от чужеземных захватчиков многие города и населенные пункты — Хотан, Яркенд, Кашгар и др.

1 ноября 1864 г. вспыхнуло восстание дунган и уйгуров в г. Кульдже — оплоте цинских властей в Синьцзяне. Завладев городом, повстанцы принудили остатки маньчжуро-китайского гарнизона во главе с илийским генерал-губернатором цзянцзюнем Мин Сюем укрыться в Илийской цитадели.

События в Синьцзяне, в ходе которых там была разрушена до основания военно-бюрократическая машина маньчжуро-китайского колониального господства, вызывали озабоченность правительства России, занятого освоением своих новых среднеазиатских владений. Новая обстановка мешала царским властям реализовать выгодные для них торгово-экономические условия Пекинского договора 1860 г. и вынуждала отложить на неопределенное время русско-китайское территориальное разграничение, намеченное Чугучакским протоколом 1864 г. В силу этого русское правительство было заинтересовано в сохранении дружеских отношений с правительством Цинской империи, в скорейшем восстановлении цинского контроля над Синьцзяном.

Тем не менее правительство России не пошло на оказание вооруженной поддержки цинским властям. Это объяснялось тем, что царские власти не располагали тогда в Казахстане и Средней Азии достаточным количеством вооруженных сил, а также опасением, что вмешательство на стороне цинского правительства может вызвать нежелательную реакцию со стороны мусульман — подданных России.

В начале ноября 1864 г. цинские власти Илийского края обратились к начальнику пограничного Алатавского округа Г. А. Колпаковскому с просьбой об оказании военной помощи против уйгурско-дунганских

повстанцев. Колпаковский ответил, что такой вопрос может быть решен только в Петербурге²². Несмотря на это, 19 ноября в кочевья казахов — подданных России прибыли эмиссары цинских властей с письмом от цзянцзюня Мин Сюя, в котором тот просил русские власти ускорить присылку «русского войска в Кульджу». Обращаясь к Колпаковскому, илийский цзянцзюнь писал: «Если Вы придете и скоро освободите город (Кульджу. — Б. Г.) от хой-хойских воров (так спесиво цинская администрация называла уйгурско-дунганских повстанцев. — Б. Г.), Вы сделаете дело, которое мы тысячу и тысячу лет будем помнить. Наш народ умеет ценить добро»²³.

26 ноября 1864 г. в укрепление Верное (ныне Алма-Ата) прибыла новая депутация от маньчжуров и передала Г. А. Колпаковскому просьбу Мин Сюя и других цинских сановников прислать в Кульджу «человек тысячу войска, на условиях, какие угодно будет предложить правительству». Колпаковский ответил, что вопрос об оказании военной помощи «есть государственное дело», решать которое вправе высшие власти и без ведома которых он не имеет права «переступать государственную границу» и вмешиваться во внутренние дела Китая²⁴.

С начала 1865 г. цинские власти, еще удерживавшие в своих руках цитадель в Кульдже, возобновили свои настойчивые просьбы к Г. А. Колпаковскому об оказании маньчжуро-китайским властям Синьцзяна военной помощи. Одновременно переговоры на этот счет цинские власти начали с русскими дипломатами и в Пекине. Сановники Цзунлиямыня обратились к

²² См. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. IV. Алма-Ата, 1968, с. 76—78.

²³ Там же, с. 78.

²⁴ ЦГВИА, ф. 447, д. 7, л. 124—125. Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман впоследствии писал: «Когда в конце 1864 г. возник вопрос о подаче военной помощи против инсургентов, правительство наше... решилось держаться относительно инсургентов полнейшего нейтралитета. При тех преувеличенных сведениях о многочисленности мусульманских сил в Западном Китае мы тогда могли опасаться, что подача помощи китайцам, требуя больших расходов при недостаточном со стороны китайцев содействии, могла не привести к желаемому результату и поставила бы нас в непримиримые враждебные отношения к соседнему мусульманскому населению» (ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 238).

царскому правительству через русского посланника в Пекине А. Г. Влангали с просьбой снабдить илийского цзянцзюня продовольствием, оружием и прислать ему военных инструкторов, подобно тому как это сделала Англия, оказавшая цинским властям военную помощь против тайпинов и других повстанцев на юге Китая и в Тяньцзине²⁵.

В другом относительно крупном городе Джунгарии — Чугучаке бои повстанцев с цинскими войсками носили еще более ожесточенный характер, в результате чего город подвергся почти полному разрушению и был оставлен жителями. Представители местных цинских властей Чугучака, как и других городов, укрылись в лесах и отдаленных районах Джунгарии, а кое-кто даже нашел убежище в пределах Российской империи — в укреплениях Верном и Копале.

С ликвидацией власти цинской администрации в Сияньцзяне здесь образовалось на протяжении 1865 г. несколько независимых феодальных владений уйгуров и дунган: Йеттышаар («Семиградье») с центром в Кашгаре, Таранчинское ханство с центром в Кульдже и Дунганский султанат с центром в Урумчи. Наиболее крупным и сильным из этих владений было государство Йеттышаар, занимавшее значительную часть территории Восточного Туркестана. Правителем его становится узбек Мухаммед Якуб-бек, близкий в прошлом ко двору кокандских ханов и неоднократно принимавший непосредственное участие в войнах Кокандского ханства против других государств Средней Азии, а также против России.

Способный военачальник из Коканда Якуб-бек, воссоздавший в Восточном Туркестане уйгурскую национальную государственность, вскоре начал борьбу за объединение под своей властью всего Восточного Туркестана и даже части Джунгарии. Занятое подавлением тайпинов, няньцзюней, восстания дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу и других восстаний неханьских народов Цинской империи, маньчжурское правительство не было в состоянии предпринять широкие карательные действия против народов Сияньцзяна.

²⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 35, св. 894, л. 3.

Русское правительство внимательно следило за обстановкой в Синьцзяне. Директор Азиатского департамента МИДа России П. Н. Стремоухов в письме к начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену писал: «Если благоразумная осторожность и побудила правительство наше отстранить себя от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны, то такая решимость не означает еще, что мы оставались равнодушными к тому, что там происходит...»²⁶ Охватившее Синьцзян восстание привело к нарушению его торговых связей с русским Туркестаном, а также связей русских купцов с рынками собственно Китая, осуществлявшихся через территорию Джунгарии. Это особенно сильно сказалось на чайной торговле, перед которой еще совсем недавно открывались широкие перспективы. «Обозревая весь ход событий в Западном Китае с 1864 г., нельзя не прийти к заключению, что нынешнее неопределенное положение может продлиться очень долго,— писал тот же Стремоухов весной 1871 г. — Между тем от водворения порядка в соседних с нами землях зависит развитие и процветание всего нашего Семиреченского края. Торговля этого края теперь окончательно убита, города (Сергиополь, Копал, Верный), успевшие достигнуть значительной степени благосостояния, приходят в упадок; наконец, для сохранения границы мы принуждены делать большие непроизводительные затраты»²⁷.

События в Синьцзяне, и прежде всего в Восточном Туркестане, расположенном на стыке среднеазиатских владений России с Британской Индией, привлекали к себе пристальное внимание Англии. Правящие британские круги уже давно рассматривали этот район как выгодный рынок сбыта для английских товаров и удобный плацдарм для своего дальнейшего проникновения в Среднюю Азию и Казахстан. Один из британских эмиссаров в следующих словах писал о значении для Англии Йеттышаара: «В наших глазах эта страна приобретает особый интерес как по сношениям и вследствие попыток развить торговлю по этому направлению между нашей Индией и между правителем этого новоорганизованного государства Центральной Азии,

²⁶ АВПР, ф. СПб. Главный архив I—9, 1861—1884, д. 8, л. 92.

²⁷ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, л. 6823, л. 116.

так и по особенным отношениям к ее русскому соседу (т. е. Средней Азии. — Б. Г.)»²⁸. По сведениям русского консула в Кульдже К. И. Павлинова, еще осенью 1865 г. англичане обратились к тогдашнему правителю г. Яркенда «с просьбой уступить им место для устройства фактории» на озере Сары-Куль²⁹. Одновременно британский офицер У. Г. Джонсон посетил Хотан с целью выяснения общей обстановки в Восточном Туркестане, а примерно через год в районах Ладака, пограничных с Синьцзяном, побывал другой британский эмиссар, Роберт Б. Ша (Шоу), внимание которого привлекли различного рода аспекты военно-политического положения на западных границах Цинской империи³⁰. Затем, как это видно из русских официальных источников, в Казахстане стало известно о строительстве в Северной Индии на подступах к Восточному Туркестану сети новых шоссейных дорог и даже о проектировании железной дороги в Кашмире³¹.

Об интересе британских правящих кругов к положению в Восточном Туркестане наглядно свидетельствует деятельность видного чиновника англо-индийской администрации Т. Дугласа Форсайта, который в 1868 г. созвал в Лехе (Кашмир) совещание купцов по вопросу развития торговли между Индией и Яркендом. В своем меморандуме вице-королю Индии Джону Лоуренсу о благоприятных условиях, сложившихся для деятельности Англии в Восточном Туркестане, он писал: «Можно было бы помочь Якубу, искусному магометанскому врагу русских, пытающемуся основать династию в Восточном Туркестане, который с помощью субсидий деньгами и оружием мог бы укрепиться в пустыне, средство не дурное, если мы желаем ускорить давно ожидаемое столкновение»³². В 1868—

²⁸ Белью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг. СПб., 1877, с. 1.

²⁹ АВПР, ф. СПб. Главный архив I—9, 1865—1878, оп. 8, д. 14, л. 2.

³⁰ Роберт Ш. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1872.

³¹ АВПР, ф. СПб. Главный архив I—9, 1865—1878, оп. 8, д. 12, л. 2.

³² Цит. по: Ахметжанов А. Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60—70-х годах XIX в. — «Ученые записки Алма-Атинского педагогического института им. Абая», т. XI/I. Алма-Ата, 1956, с. 145.

1869 г. в Восточном Туркестане побывал под видом купца упомянутый разведчик Р. Ша. Он несколько раз встречался с правителем Йеттышаара, Якуб-беком, а затем в сопровождении посланника последнего Шади Мирзы выехал в Индию.

Содержание переговоров Шади Мирзы с англо-индийскими властями, известное из официальных английских источников, не оставляет сомнения в том, что Якуб-бек рассчитывал на «достижение союза с британским правительством» и на его содействие в приобретении оружия в Индии³³.

Поощряемый Англией, восточнотуркестанский правитель, пользуясь ослаблением Кокандского ханства и отвлечением внимания России на другие вопросы, начинает открыто вмешиваться в дела принарынских киргизов, добровольно принявших российское подданство. Якуб-бек даже потребовал от некоторых киргизских племен отказа от российского подданства и выдвигал территориальные притязания на Нарынский край³⁴, принадлежность которого к России была зафиксирована Пекинским договором 1860 г. Внимание Якуб-бека привлекали также северо-западные границы Восточного Туркестана с Кокандским ханством, и он их постепенно расширял за счет последнего. Так, кокандская граница была им передвинута до Уксалыра, а позже — до Улугчата, где правитель Йеттышаара строил укрепление. Он занял также кокандские крепости Награчалды, Егин и Иркештам³⁵.

Тем временем кокандский хан Худояр, учитывая успехи политики России в Казахстане и Киргизии, а также неустойчивое положение в самом Кокандском ханстве, решил принять предложенный ему туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом мирный договор. Заключенный 13 февраля 1868 г., этот договор хотя и касался главным образом русско-кокандской торговли, но фактически ставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от России.

³³ Архив Института востоковедения АН СССР (далее — АИВ), Government of India. Foreign and Political Department. January 1870, N 205.

³⁴ АВПР, ф. СПб. Главный архив I—9, 1865—1878, оп. 8, д. 14, л. 20.

³⁵ ЦГИА Узбекской ССР, ф. I с/2, д. 171, л. 135; *Куропаткин А. Н.* Кашгария. СПб., 1879, с. 148.

Эмиссары Якуб-бека распространяли прокламации, в которых мусульмане, проживавшие в Средней Азии, призывались к войне с «неверными». Русским властям стало также известно о предложении правителя Йеттышаара султану Таранчинского ханства Абель-оглы «сделать одновременно нападение на Семиреченскую область»³⁶.

Продолжением попыток британских колониальных кругов повлиять на обстановку в Йеттышааре явилось посольство Т. Д. Форсайта в Восточный Туркестан в августе 1870 г. В задачи посольства входило «собрать данные о перспективах торговли и индийских товарах, пользующихся там наибольшим спросом, о природе и ресурсах Яркенда и его соседей, об их истории», а также другие сведения, которые будут «сочтены нужными»³⁷. Однако, несмотря на усилия Англии подчинить своему влиянию правителя Йеттышаара и прервать его в свое послушное орудие в борьбе с Россией в Центральной Азии, Якуб-бек, используя англичан, в то же время сохранял свою независимость.

Расширяя пределы своих владений на востоке за счет территорий Дунганского султаната, Якуб-бек в конце 1870 г. и в начале 1871 г. после взятия им городов Урумчи и Манаса устанавливает более тесные связи с правителем Таранчинского ханства султаном Абель-оглы. Осенью 1870 г. переводчик Бородин, направленный русскими властями с дипломатической миссией в Кульджу, встретил на своем пути, при переправе через р. Или, посольство Якуб-бека, также державшее путь к Абель-оглы. Переговоры Бородина о расширении торгово-экономических и других контактов между Россией и Таранчинским ханством не увенчались успехом³⁸. «Носятся слухи, что Якуб-бек замышляет овладеть Илинской провинцией, и в этом нет ничего невероятного,— сообщал в это время директор Азиатского департамента МИД России П. Н. Стремо-

³⁶ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива (с), оп. 2, д. 6, л. 120.

³⁷ АИВ, Government of India. Foreign and Political Department, April 1870, N 219.

³⁸ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 338. Тогда же К. П. Кауфман с возрастающим беспокойством сообщал в Азиатский департамент: «Кульджинские таранчи двинулись из Илинской провинции к Урумчи на помощь Якуб-беку...» (ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 245).

угов в военное министерство России,— однако для нас... этот исход дела был бы крайне невыгодным, ибо из отчетов английских путешественников и купцов мы знаем, что индийская торговля делает быстрые успехи в Восточном Туркестане и пользуется покровительством владетеля Алты-шаара (т. е. Йеттышаара. — Б. Г.). Едва ли может подлежать сомнению, что распространение его владений к северу от Тянь-Шаня будет равносильно распространению английской торговли во всех местностях Среднего Китая, которые при благоприятных обстоятельствах представляли бы свои рынки исключительно русской предприимчивости»³⁹.

Тем временем таранчинский султан Абиль-оглы, установивший в Илийском крае свой деспотический режим, стал заниматься в отношении соседних русских владений Туркестана все более враждебную позицию. Он укрывал у себя барантачей (похиטителей скота), всячески препятствовал развитию торговых взаимоотношений с Россией и даже начал выдвигать территориальные притязания на некоторые пограничные районы российских владений в Казахстане⁴⁰. Эта политика Абиль-оглы, как и перспектива объединения военных сил Таранчинского ханства с силами государства Йеттышаар, вызывала серьезное беспокойство царского правительства.

29 ноября 1870 г. в Кульджу из Верного для улаживания некоторых пограничных дел с Таранчинским ханством выехала русская миссия во главе с капитаном А. В. Каульбарсом. Она должна была добиться от султана Абиль-оглы согласия на пребывание в Кульдже русских представителей (султан со своей стороны мог послать своих представителей в Верный) и на восстановление свободной торговли русских купцов в Илийском крае. Правитель Таранчинского ханства

³⁹ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 117.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6939, л. 1—3. Рассуждая тогда о положении дел на границах Семиречья с Таранчинским ханством, К. П. Кауфман в записке «Наши дела на границе с Западным Китаем», приложенной к его отношению на имя канцлера А. М. Горчакова, ставил уже вопрос так: если в нынешних условиях «граница наша с Кульджой является безопасной, то какова будет безопасность и спокойствие на нашей границе, когда Кульджой овладеет предприимчивый, хитрый и честолюбивый Якуб-бек...» (ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 255).

оказал Каульбарсу весьма сдержанный прием. Пойдя на ряд уступок в пограничных делах и соглашаясь на обмен представителями, Абиль-оглы в то же время уклонился от ведения переговоров о допуске русских купцов в Кульджу и о продаже продовольствия в Семиречье⁴¹. «Не подлежит сомнению, что отношения к нам Якуб-бека служат соблазнительным примером правителю Кульджи», — резюмировал итоги своей поездки А. В. Каульбарс в специальной записке, представленной им туркестанскому начальству⁴².

Опасность распространения контроля правителя Йеттышаара на всю Джунгарию, и прежде всего на Илийский край⁴³, вынудила туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана поставить перед правительством вопрос об изменении политики невмешательства в ход антицинской борьбы в Синьцзяне. «По моему крайнему убеждению, настояще положение дел на границе уже нетерпимо... — писал он канцлеру А. М. Горчакову. — Мы теперь же должны, как для пользы наших среднеазиатских владений, так и в особенности для восстановления упавшей торговли нашей с Западным Китаем, помочь Китаю...» К. П. Кауфман считал, что наилучшим средством для достижения такой цели «было бы одновременное движение китайцев на Урумчи и наше на Кульджу»; следовало бы «теперь же занять Кульджу, объявив при этом китайцам, что им будет возвращен город, как только явится на то уполномоченное от них лицо»⁴⁴.

Рассматривая предложение о переходе от политики невмешательства в события в Синьцзяне к активным действиям на границах России с Китаем в Центральной Азии, русское правительство стремилось выяснить у властей Цинской империи, готовы ли они с помощью русских войск восстановить свой контроль в районах, охваченных уйгурско-дунганским восстанием. Однако цинские сановники уклонялись от прямого ответа на этот вопрос. Директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов сообщал канцлеру Горчакову в марте 1870 г., что представители цинско-

⁴¹ См. *Аристов Н. А. О Кульдже*. — Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II. СПб., 1873, с. 242—243.

⁴² ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6889, л. 24—25.

⁴³ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6823, л. 244—255.

⁴⁴ Там же, л. 243.

го правительства «выразились неопределенно в том смысле, что это (т. е. участие маньчжуро-китайских войск. — Б. Г.) будет сделано по мере возможности» и что «их (т. е. цинские власти. — Б. Г.) не только не пугает мысль о возможности нашего (России. — Б. Г.) вмешательства в дела этих областей, но что они как бы желали этого»⁴⁵.

Для правительства России стало очевидным, что посылка большой маньчжуро-китайской карательной армии в Синьцзян при огромном расстоянии, отделяющим Синьцзян от собственно Китая, была тогда для цинских властей, еще не оправившихся окончательно от тяжелых последствий тайпинского и других восстаний, явно непосильным делом⁴⁶. Поэтому особое совещание, состоявшееся 20 апреля 1871 г. под председательством военного министра Д. А. Милютина, пришло к выводу, что «как общие интересы государства, так и частные условия администрации в пограничных наших с Китаем областях не позволяют нам оставаться безучастными к совершающимся в соседней стране событиям и что, напротив, весь вред, причиняемый ими в течение семи лет нашему политическому значению и торговле, делает вмешательство наше в дела Западного Китая в самом близком времени неизбежным». Основываясь на этом, участники совещания считали необходимым «прибегнуть к вооруженному движению в центре Дунганского района», заняв на первое время два главных пункта — Кульджу и Урумчи. Предполагалось выдвинуть в этом направлении два отряда русских войск: один — со стороны Зайсана, а другой — из Семиречья⁴⁷.

На совещании учитывалось, что при движении войск в Синьцзян в занимаемых ими пунктах не будет функционировать русская администрация и власть здесь должна быть сразу же передана сопровождающим русскую армию цинским представителям. По восстановлении во всех районах контроля

⁴⁵ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1 с(2), д. 98, л. 6.

⁴⁶ Тем более, что тогда же в Западной Монголии в г. Улясу-тае внезапно появились отряды дунганских повстанцев, хлынувшие сюда под натиском Якуб-бека из района Урумчи. Они захватили город и двинулись даже на Ургу, что вызвало панику среди цинских властей в Монголии и китайского купечества.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, 1871, д. 18, л. 127.

маньчжурского правительства русские войска отойдут обратно на свои квартиры⁴⁸. Одновременно совещание предложило русскому посланнику в Пекине А. Г. Влангали вступить по этому вопросу в переговоры с цинским правительством. «При этом, — говорилось в решении совещания, — надлежит указать министрам богдыхана, что вмешательство наше в дела Западного Китая имеет единственной целью оказать содействие китайцам к восстановлению их власти в отторгнутых западных провинциях империи»⁴⁹.

В ходе начавшихся дипломатических контактов с представителями Цинской империи в Петербурге и в Пекине выяснилось, что маньчжурское правительство пока не было в состоянии принять какого-либо участия в предполагаемых операциях вооруженных сил России в Синьцзяне. 4 июня 1871 г. А. Г. Влангали информировал Стремоухова о том, что «соглашение с китайцами для совместного действия в нынешнем году на западнокитайской границе сомнительно» и что цинское правительство только тогда может рассчитывать на успех восстановления своей власти в районах уйгурско-дунганского восстания, когда водворятся «порядок и спокойствие» в Монголии и будет «свободен» северный путь из Пекина в Западную Монголию и Джунгарию. «Очевидно, что подобный ответ посланника нашего, — писал Д. А. Милютин туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, — должен был видоизменить первоначальное предположение о цели нашего вмешательства в китайские дела и побудить правительство установить новую программу для нашего образа действия на китайских границах, основанную главным образом на интересах собственно России»⁵⁰. Практически это выразилось в решении царского правительства ограничить сферу предполагаемых действий русских войск Илийским краем, оставляя пока открытым вопрос об Урумчи. Операция намечалась на осень 1871 г.⁵¹

Ход событий заставил, однако, изменить намечавшиеся сроки. Так, командующий войсками Семиреченской области Г. А. Колпаковский начал выражать

⁴⁸ Там же, л. 128.

⁴⁹ Там же, л. 127.

⁵⁰ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 1 с(2), оп. 2, л. 151, л. 1—2.

⁵¹ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6839, л. 46.

все большее беспокойство в связи с участвовавшими столкновениями на границе России с Илийским краем и возможностью движения войск Якуб-бека к Кульдже. Он писал К. П. Кауфману в Ташкент в начале мая 1871 г.: «Вмешательство Якуб-бека, который может провести свои войска до осени не только через проходы в верховьях Юлдуза, но и кругом через подвластные ему Урумчи и Манас, будет стоить несравненно больше крови и препятствий для занятия нашими войсками Кульджи осенью, чем теперь...»⁵²

Учитывая все это, а также участвовавшие стычки русских войск с отрядами таранчинского султана Абыль-оглы, которые постоянно вторгались в пределы Казахстана, Г. А. Колпаковский в середине июня 1871 г. развернул военные действия против Таранчинского ханства, в которых участвовало 8 пехотных рот, 6½ конные сотни и 12 артиллерийских орудий⁵³. Перед этим было опубликовано обращение к населению Илийского края. В нем командование русскими войсками заверяло местных жителей «без различия племен и вероисповеданий» в том, что военные действия направлены не против них, а «против таранчинского правительства (т. е. правительства султана Абыль-оглы. — Б. Г.), не внявшего предложениям дружбы...»⁵⁴.

22 июня 1871 г. русские войска при поддержке казахов-волонтеров почти без боя заняли Кульджу, а сдавшийся в плен султан Абыль-оглы был выслан в пределы России. «Занятие туркестанскими войсками Кульджи совершенно изменило положение дел на границе,— писал в своих воспоминаниях один из видных деятелей русской военной администрации — И. Ф. Бабков. — Полученные же вскоре депеши нашего посланника в Пекине о невозможности китайцам принять участие в экспедиции в Западный Китай потребовали и совершенного изменения предположенного плана наступательного движения нашего в центр дунганского района (т. е. к Урумчи. — Б. Г.). Вследствие чего движение за границу западносибирского экспедиционного отряда было отменено...»⁵⁵

⁵² ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6842, л. 2.

⁵³ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6839, л. 57.

⁵⁴ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, л. 1а, л. 1.

⁵⁵ Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859—1875 гг. СПб., 1912, с. 527.

Разрабатывая план операции против Таранчинского ханства, русские власти, как отмечалось выше, исходили из того, что их союзниками в военных действиях и в делах военно-административного управления Илийским краем, возможно, будут цинские войска и маньчжуро-китайские чиновники. Однако уже в ходе подготовки военной кампании генерал Г. А. Колпаковский еще раз убедился в несостоятельности таких предположений. За несколько дней до начала наступления на Кульджу он писал К. П. Кауфману: «...не представляется возможным отдавать мелким чиновникам китайским управление занятыми пунктами, так как они не в состоянии ни совладать с этой обязанностью, ни охранять порядок и безопасность, необходимые для наших сообщений. Поэтому я на первое время предоставляю управление покорившимися пунктами и населением их племенному, родовому или выборному начальству...»⁵⁶

Спустя примерно месяц после занятия русскими войсками Илийского края (30 июля 1871 г.) государственный канцлер и министр иностранных дел России А. М. Горчаков направил в Пекин А. Г. Влангали инструкцию для объяснения цинскому правительству «значения этих военных действий», а также существа «дальнейших предположений» Петербурга «по отношению к западной китайской границе». Напоминая о позиции самих маньчжурских властей, он писал: «Наступательное движение русского отряда увенчалось, разумеется, полным и быстрым успехом; но вследствие вышеизложенных обстоятельств оно уже не могло иметь безусловной целью восстановление маньчжурской власти, которой, к сожалению, не было никаких следов в этих местностях. Ввиду полученного от китайского правительства уклончивого ответа казалось для нас более выгодным и удобным не обязывать туркестанского генерал-губернатора непременно стремиться к восстановлению китайской власти в Илийской долине, а предоставить его усмотрению содействовать к утверждению в этом крае такого порядка вещей и такого управления, которое всего более соответствовало бы нашим интересам»⁵⁷.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6842, л. 3.

⁵⁷ Там же.

Как видно из упомянутого документа и ряда других источников, русское правительство с самого начала рассматривало занятие Илийского края, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, как временную меру и намеревалось содействовать «возвращению западнокитайских владений во власть маньчжуров»⁵⁸. Обращая на это внимание посланника в Пекине Влангали, А. М. Горчаков там же писал: «Мы ни в коем случае не желаем присоединять Кульджинский округ к составу империи, такой исход дела следует признать самым для нас невыгодным, но для нас важно, чтобы правитель соседней с нами страны дал нам такие материальные и нравственные гарантии, которые обеспечили бы спокойствие на нашей границе и способствовали свободному развитию нашей торговли»⁵⁹.

Сразу по вступлении русских войск в Илийский край царские власти объявили об уничтожении в Таранчинском ханстве рабства и о ликвидации самого ханства. Формально и фактически край был подчинен военному губернатору Семиреченской области Г. А. Колпаковскому, при котором была учреждена особая Канцелярия по кульджинским делам. Здесь сосредоточивались все дела военно-политического, экономического и другого характера. Общая площадь занятой русскими войсками территории составляла примерно 1400 кв. миль с населением 130 тыс. человек⁶⁰.

Территория Илийского края была разбита на четыре участка, начальники которых — русские офицеры могли сноситься с вышестоящими властями России через чиновников Кульджинской канцелярии. Начальники участков помимо охраны безопасности и порядка одновременно должны были руководить выборами управителей более мелких административных единиц — так называемых кентов, объединявших от 400 до 1200 дворов, или семей⁶¹. Перед органами русской военной администрации сразу же встал ряд

⁵⁸ Там же, л. 8—9.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 1351, л. 46. По другим данным, все пространство Илийского края составляло тогда 1082 кв. миль, или 52 378 кв. верст (Костенко Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. СПб., 1887, с. 13).

⁶¹ См. Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгур в Семипалатинск. Алма-Ата, 1952, с. 51—52.

серьезных проблем политического и экономического характера. Хозяйственная разруха, значительное сокращение поголовья скота, упадок земледелия, свертывание торговли, межнациональные распри, разорявшие население,— все это были острые проблемы, с которыми столкнулись русские власти в Илийском крае.

Существует большое число архивных источников и даже специальная литература по истории пребывания русских войск в Илийском крае⁶². Они свидетельствуют о том, что, несмотря на военно-колониальный характер мероприятий царской администрации во главе с командующим войсками Г. А. Колпаковским, она сделала довольно много для восстановления разрушенного в ходе уйгурско-дунганского восстания хозяйства и дальнейшего развития производительных сил. После обложения жителей единовременной контрибуцией с целью компенсации расходов на содержание русских войск общее число поборов значительно сократилось. Осенью 1871 г. последовала отмена различного рода податей, сборов и пошлин, вместо которых был введен единый налог: для оседлого населения края — «посемейная подать» и для кочевого населения — «кибиточная подать» в размере 3 руб. в год⁶³. Правда, были оставлены дорожная подать (по ремонту дорог) и конвойная (по охране арестованных и конвоированию их), что не шло, разумеется, ни в какое сравнение с положением дел в период господства в Илийском крае маньчжуро-китайских властей.

Русские власти в Кульдже приняли ряд мер для развития внутренней и внешней торговли Илийского края, восстановив прежде всего его связи с Казахстаном и Западной Сибирью⁶⁴. Они всячески поощряли распашку заброшенных в годы уйгурско-дунганского восстания полей и восстановление ирригационных сооружений⁶⁵, что уже вскоре дало свои результаты в увеличении сбора сельскохозяйственных культур⁶⁶.

⁶² См., например, *Пантусов Н. Н.* Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 годы. Казань, 1881; *Кабиров М. Н.* Указ. соч., и др.

⁶³ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, д. 6а, л. 111—144.

⁶⁴ Там же, л. 32; *Пантусов Н. Н.* Указ. соч., с. 32.

⁶⁵ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, д. 12, св. 1а, л. 3—10.

⁶⁶ См. *Кабиров М. Н.* Указ. соч., с. 57.

Под покровительством русской военной администрации была предпринята разведка и началась разработка недр⁶⁷, всячески поощрялась и другого рода предпринимательская деятельность: строились мельницы, маслобойни и другие промышленные предприятия, связанные главным образом с переработкой местных продуктов и сырья⁶⁸. Это способствовало общему хозяйственному оживлению в Илийском крае.

Стремясь упрочить свое влияние среди местного многонационального населения, русские власти направляют в Илийский край врачей, инженеров и учителей, которые быстро завоевали расположение жителей Кульджи и других городов. Тогда здесь впервые было введено оспопрививание, открылись больница, амбулатория и аптека, где лекарства выдавались бесплатно, а также начала работать школа для детей уйгур и представителей других местных народностей⁶⁹. «Политическое настроение мусульманского населения не оставляет желать лучшего,— писал в своем донесении один из видных чиновников Кульджинской канцелярии, Н. А. Аристов, в 1873 г.,— ибо таранчи и дунгане весьма довольны нашим управлением... Ненависть к маньчжурам и решимость не отдаваться им без упорной борьбы держится у таранчей в прежней силе»⁷⁰. Однако нерешенность дальнейшей судьбы Илийского края в значительной степени сдерживала и ограничивала инициативу русских властей и предпринимателей, наметивших вначале широкую программу его экономического и культурного развития.

Уже вскоре после вступления русских войск в Кульджу цинское правительство, несмотря на потерю

⁶⁷ См. *Пантусов Н. Н.* Указ. соч., с. 29—30; О горнозаводской промышленности Кульджинского ханства.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II. СПб., 1878, с. 226, 231.

⁶⁸ См. *Кабиров М. Н.* Указ. соч., с. 58.

⁶⁹ См. там же, с. 58—59.

⁷⁰ См. там же, с. 63—64. Следует отметить также, что в конце 1871 г. дунгане городов Урумчи и Манаса обратились к властям Западной Сибири с заявлением о своем желании принять русское подданство, прося их «прийти хотя бы с одной или двумя тысячами войск, чтобы действовать сообща...». Поскольку русские власти избегали вступать в какие-либо официальные связи с дунганами за пределами Илийского округа, это обращение было оставлено без ответа (ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6854, л. 71—74, 99—102).

всех своих позиций и влияния в Джунгарии, поставило перед Россией вопрос о возвращении Илийского края, заявляя о своем желании вступить по этому вопросу в соответствующие переговоры. Предложенная инициатива получила одобрение в Петербурге, и для встречи с уполномоченным маньчжурского двора — вновь назначенным илийским цзянцзюнем Жун Цзюанем был направлен генерал Богуславский. Однако русский посланник в Пекине А. Г. Влангали предупредил сановников Цзунлиямыня о том, что возвращение Илийского края состоится лишь в том случае, если Жун Цзюань: «1) будет снабжен достаточной вооруженной силой для вступления в фактическое обладание краем; 2) привезет амнистию всем жителям, замешанным в дунганском восстании»⁷¹. Правительство России во всех директивах, касавшихся вопроса о судьбе Илийского края, неизменно подчеркивало временный характер пребывания здесь русских войск. Несмотря на то что в Петербурге понимали, что возвращение цинских властей в Кульджу «может осуществиться очень не скоро», царские власти относились весьма осторожно к различного рода предложениям включить эту территорию в состав Российской империи. Особое беспокойство проявляло министерство иностранных дел. Так, в отношении к военному министру Д. А. Милютину от 18 сентября 1871 г. А. М. Горчаков писал о том, «чтобы туркестанский генерал-губернатор при мероприятиях, относящихся до устройства Кульджинского округа, главным образом имел в виду желание правительства не присоединять эти владения к составу империи»⁷². Тем временем угроза, создававшаяся для позиций маньчжуро-китайских властей в Западной Монголии, побудила цинское правительство обратиться к России за военной помощью, в результате чего в конце апреля 1872 г. сюда из Кяхты был направлен небольшой отряд русских войск⁷³.

8 мая 1872 г. в Сергиополе состоялось свидание генерала Богуславского с Жун Цзюанем, которому пе-

⁷¹ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 6842, л. 14.

⁷² Там же.

⁷³ См. *Ровинский П.* По поводу последних событий в Западном Китае. — *Материалы для статистики Туркестанского края*, вып. II. СПб., 1873, с. 182—192.

редали предварительные условия правительства России о возвращении Илийского края Китаю. Однако цинский уполномоченный высокомерно заявил, что он явился не для переговоров, а для вступления в управление Кульджей. Он сказал, что войск с ним, правда, еще нет, но что они придут со временем, а пока, мол, жители, конечно, «подчинятся его власти», узнав, что он «привез амнистию». На этом переговоры в Сергиополе и закончились. Позже вопрос о возвращении Илийского края Китаю продолжал обсуждаться уже в Пекине⁷⁴. Здесь цинское правительство также стало настаивать на немедленной передаче ему края, обещая, правда, русскому правительству возместить его «труды и убытки»⁷⁵.

Хотя вступление русских войск в Илийский край оказало на Якуб-бека, как это видно из ряда документов, отрезвляющее воздействие⁷⁶ и в целом укрепило позиции России в Центральной Азии перед лицом экспансии британских колонизаторов, правитель Йеттышаара продолжал вынашивать захватнические планы в отношении некоторых районов Средней Азии. Одновременно он не прекращал высказывать явную враждебность к русским властям и даже подстрекал правителя Кокандского ханства Худояра к антирусским действиям, маскируя свои далеко идущие замыслы лозунгами «защиты ислама» и т. д.⁷⁷

В конце 1872 г. правитель Йеттышаара отправил в Индию и в Турцию к султану Абул-Азизу своего посланника Саид-Якуб-хана-тюре, чтобы получить одобрение своей деятельности турецким султаном как мусульманским первосвященником; Якуб-бек тем самым надеялся не только укрепить свое положение в Восточном Туркестане, но и получить поддержку со стороны других стран исламского мира. В период пребывания Саид-Якуб-хана-тюре в Константинополе в 1873 г. была достигнута договоренность о провозглашении турецкого султана Абул-Азиза покровителем государства Йеттышаар и о присвоении Якуб-беку

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 447, д. 9, л. 2.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ АВВР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1865—1878, оп. 8, д. 14, л. 47.

⁷⁷ Там же, л. 53.

титула «эмира»⁷⁸, что в известной мере, символизировало и установление сюзеренитета Турции над Восточным Туркестаном.

За кулисами турецко-кашгарских отношений стояла все та же Англия. 28 ноября 1873 г. в Восточный Туркестан прибыло новое британское посольство во главе с упомянутым выше Т. Д. Форсайтом. Посольство сопровождал возвращавшийся из Константинополя Саид Якуб-хан-тюре вместе с турецкой военной миссией в составе нескольких офицеров. Форсайт неоднократно встречался с Якуб-беком, и 2 февраля 1874 г. между Англией и государством Йеттышаар был заключен торговый договор. По условиям этого договора британским подданным в Восточном Туркестане предоставлялись большие права и привилегии, в том числе права экстерриториальности⁷⁹. Однако Англию прежде всего интересовал военно-политический аспект «кашгарского вопроса» и будущий государственный статус Восточного Туркестана⁸⁰.

Стремясь оказать содействие Якуб-беку в создании современной армии, Англия и зависимая от нее Османская Турция начинают поставлять в Кашгар оружие и боеприпасы. Здесь появляются и иностранные военные инструкторы⁸¹. Отражая беспокойство в этой связи русских властей, один из чиновников туркестанской администрации писал в Азиатский департамент МИДа: «Англичане водворяют свое влияние в нескольких переходах от нашего Семиреченского края... и на наших глазах могут сделать из Кашгара второй Афганистан...»⁸² Русская администрация в Туркестане была также озабочена усилившейся деятельностью различного рода «мусульманских проповедников», которые по заданию англо-турецких вла-

⁷⁸ Gordon T. A. *The Roof of the World*. Edinburgh, 1895, p. 19.

⁷⁹ Boulger D. Ch. *The Life of Jakub Beg*. London, 1855, p. 322—329.

⁸⁰ См. Беллюю. Указ. соч., с. 247; Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века). Ташкент, 1957, с. 41.

⁸¹ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. 1, д. 3, л. 5—6; д. 145, л. 5—6, 8—9; д. 155, л. 40; д. 334, л. 63.

⁸² АВПР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1873—1878, оп. 8, д. 21, л. 76.

стей вели антирусскую агитацию в Средней Азии и Казахстане⁸³.

Успехи политики России в Средней Азии, и прежде всего признание кокандским ханом своей зависимости от правительства России, существенно спугали планы правящих кругов Англии, которые рассчитывали с помощью Якуб-бека создать сложности для русских властей в Туркестане. Подытоживая информацию о положении дел в государстве Йеттышаар, К. П. Кауфман писал 20 июня 1875 г. русскому военному министру Д. А. Милютину, что, по его мнению, «англичане с Форсайтом во главе приложили необходимые старания, чтобы усилить Якуб-бека и создать у нас (т. е. в России. — Б. Г.) под боком сколь возможно могущественное мусульманское государство. Этой цели они достигли на сей раз не только для расширения своей торговли, так как таковая не может быть значительной с Кашгаром, а для усложнения нам дела и положения нашего в Средней Азии nous mettre les bâtons dans les jambes (для того, чтобы нам ставить палки в колеса. — Б. Г.)»⁸⁴. Однако, поскольку использовать Якуб-бека для дальнейшего вмешательства в дела Кокандского ханства становилось уже невозможным, Англия начинает терять свой прежний интерес к правителю Йеттышаара, тем более что знакомство британских эmissаров с обстановкой в Припамирском районе показало, что нет оснований опасаться за вмешательство России в дела Индии, отдаленной от среднеазиатских владений России труднопроходимыми горными и пустынными пространствами.

Характерно признание английского публициста прошлого века Д. Ч. Больджера, который откровенно писал, что именно сообщения Т. Д. Форсайта «разъяснили это обстоятельство» и оно было воспринято в Лондоне «с чувством глубокого облегчения»⁸⁵. Оценивая в целом британскую политику в Восточном Туркестане, Больджер цинично замечал, что «после 1874 г. мы (т. е. Англия. — Б. Г.) придерживались в

⁸³ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. 1, д. 4, л. 21; д. 323, л. 14.

⁸⁴ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 11с., оп. 3, д. 274, л. 52—53.

⁸⁵ Boulger D. Ch. *Op. cit.*, p. 233.

отношении Кашгара и Якуб-бека той же точки зрения, что и в отношении Польши и Костюшко»⁸⁶, т. е. намекал на события конца XVIII в., когда Англия превратила польский вопрос в разменную монету своей сложной дипломатической игры в Восточной Европе, имевшей целью прежде всего ослабить здесь позиции России.

Симптомы охлаждения к государству Йеттышаар и его правителю Якуб-беку со стороны Англии и Турции начали проявляться уже в 1875 г., когда, по свидетельству русского посла в Турции Н. П. Игнатьева, кашгарский посланник Саид Якуб-хан-тюре во время своего вторичного посещения Константинополя убедился в том, что ни британское, ни турецкое правительства не желают быть посредниками в китайско-кашгарских отношениях и тем более не собираются давать гарантии территориальной целостности государства Йеттышаар⁸⁷. Это становилось все более очевидным по мере приближения маньчжуро-китайских карательных сил из собственно Китая к границам Синьцзяна. Таким образом, надежды Якуб-бека на посредничество Англии в его переговорах с цинским правительством о признании последним автономии государства Йеттышаар не оправдались.

В феврале 1876 г. Россия включила Кокандское ханство в состав своих владений, и из его территории была образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства; государство Йеттышаар стало непосредственным соседом России. Положение самого Якуб-бека к этому времени значительно пошатнулось. Цинские войска во главе с одним из душителей тайпинского восстания, генералом Цзо Цзунтаном, пользуясь нерешительностью Якуб-бека, питавшего иллюзии в отношении возможности достижения соглашения с Пекином, овладев несколькими населенными пунктами в восточной части Синьцзяна, двинулись к Урумчи, Манасу и другим городам Северного При Тяньшанья. Путь карателей сопровождался разрушениями и разбоем. В связи со зверской расправой маньчжуро-китайских войск над уйгурско-дунганскими повстанцами и мирным мусульманским населением в Манасе русские власти были вынуждены направить цин-

⁸⁶ Ibid., p. 234.

⁸⁷ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 11 с., оп. 3, д. 275, л. 6, 19.

скому командованию специальное обращение. «Подобный жестокий и коварный образ действия,— писал в нем туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, адресуясь к Цзо Цзунтану,— недостойн военачальника великой державы и не может не произвести самого тяжелого впечатления на то население, которое китайское правительство стремится подчинить своей власти...»⁸⁸

Русские власти, считая себя преемником прав Кокандского ханства, в конце 1876 г. направили в Восточный Туркестан посольство во главе с капитаном А. Н. Куропаткиным для решения вопросов о границе Ферганской области с государством Йеттышаар и о возвращении России ряда пунктов, принадлежавших в недавнем прошлом кокандским ханам (Иркештам, Егин, Награ-Чалды и Улугчат). Не желая осложнять взаимоотношений с туркестанской администрацией, Якуб-бек пошел на уступки. Он признал границей между Ферганской областью и Восточным Туркестаном линию Суек—Улугчат—Мальтабар, т. е. согласился вернуть захваченные им ранее земли Кокандского ханства⁸⁹, однако реализовать указанное соглашение сторонам не удалось.

С осени 1877 г. маньчжуро-китайские каратели Цзо Цзунтана перенесли свои операции в районы южного Притяньшанья и бассейн р. Тарим. 7 октября они захватили г. Карашар, затем города Курля, Кучар, Аксу и Уч-Турфан (Уши), а 17 декабря столицу государства Йеттышаар — г. Кашгар. На протяжении конца 1877 и начала 1878 г. еще продолжались разрозненные столкновения между цинскими войсками и отрядами уйгурско-дунганских повстанцев, но в конце концов каратели овладели всей территорией Восточного Туркестана, включая районы, входившие в состав Кокандского ханства и позже захваченные Якуб-беком. Жестокости цинских войск в ходе их расправ над населением вызвали бегство из Китая в Россию не только активных участников восстания, но и мирных жителей. Общее число беженцев, по некоторым данным, со-

⁸⁸ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. 1, д. 334, л. 234.

⁸⁹ См. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913, с. 12.

ставляло свыше 10 тыс. человек⁹⁰ (сюда входили и несколько больших групп дунган).

Цинские власти не форсировали решение вопроса о возвращении Илийского края Китаю до окончания карательного похода маньчжуро-китайских войск против государства Йеттышаар. По сведениям русского чиновника Головкина, командированного Г. А. Колпаковским в пограничные с Илийской долиной районы, где находились уже цинские чиновники, такое указание было дано Цзо Цзунтану из Пекина. Как писал чиновник по дипломатической части при канцелярии К. П. Кауфмана Вейнберг в Петербург в мае 1877 г., «китайцы сами не надеются на прочность своего положения в занятой ими территории до уничтожения еще грозного для них Кашгарского ханства»⁹¹. Одна из важных причин такой политики маньчжуро-китайских властей заключалась также в их зависимости от поставок хлеба и других видов продовольствия для китайских войск из России.

Русско-турская война 1877—1878 гг. и неудачные для России итоги Берлинского конгресса (июнь—июль 1878 г.), в чем не малую роль сыграла антирусская позиция Англии⁹², не могли не повлиять на политику царского правительства в Азии. Оно стремилось взять реванш у Англии за политико-дипломатическое поражение в Европе⁹³. Это сказалось на позиции Петербурга в «Илийском вопросе». Правящие круги России стремились расширить свое военно-политическое и экономическое влияние в Центральной Азии, в то время как дряхлеющая феодальная Цинская империя напрягала все силы для удержания своей монополии на господство над народами Синьцзяна.

Туркестанские власти прямо связывали торговые интересы России с оставлением за ней Илийского края или по крайней мере получением за его возвращение от цинской администрации новых льгот и привилегий для русского купечества в Китае. На открытии для русской торговли новых рынков весьма энергично

⁹⁰ ЦГИА Узбекской ССР, ф. 11с., оп. 3, д. 354, л. 8—9.

⁹¹ АВПР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1873—1878, оп. 8, д. 21, л. 252.

⁹² См. История дипломатии, т. II. М., 1963, с. 127—129.

⁹³ См. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, с. 343.

настаивал военный губернатор Семипалатинской области Полторацкий, который представил в конце 1873 г. записку по этому поводу в МИД, а в начале 1874 г. с аналогичными предложениями выступал также и исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковский⁹⁴.

Успехи маньчжуро-китайских карателей в Синьцзяне побуждали цинские власти более настойчиво ставить «Илийский вопрос» на повестку дня русско-китайских отношений. Однако при первых же слухах о возможном возвращении Кульджи Китаю местное мусульманское население начало испытывать тревогу за свою судьбу. Царские власти в Туркестане получали многочисленные петиции и прошения жителей Илийского края, которые, не желая оставаться под маньчжуро-китайским колониальным игом, заявляли о своем намерении перейти в российское подданство. В одной из таких петиций дунган и уйгур, поданной 24 января 1878 г., например, говорилось: «Более ста лет наши деды и отцы, как безмолвные рабы и даже выючные животные, переносили все ужасы... Никто не был уверен в том, что даст грядущий день. Ни жизнь, ни имущество, ни честь жен и дочерей наших не были ни на мгновение в безопасности: все могло исчезнуть и погибнуть от одного слова низшего китайского чиновника... Но вот наконец мы уже почти семь лет наслаждаемся... миром, спокойствием и свободой... И вдруг как громом поражены мы грозной и неожиданной вестью, все от мала до велика повержены в уныние и безысходную печаль». Авторы петиции просили разрешения направить депутацию с ходатайством о принятии уйгур и дунган Илийского края «в вечное подданство России...»⁹⁵.

Русско-китайские переговоры о возвращении Илийского края Китаю начались в Петербурге в начале 1879 г., для чего в Россию прибыл назначенный чрезвычайными полномочиями в ранге посла бывший военный губернатор Мукдена Чун Хоу. Накануне переговоров (4 марта) состоялось особое совещание пред-

⁹⁴ АВПР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1871—1882, оп. 1, д. 2, л. 50, 87—88.

⁹⁵ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. I, д. 702, св. 97, л. 26—27.

ставителей руководящих министерств и других ведомств России, на котором было решено потребовать от Китая компенсации в виде ряда уступок, и в том числе территориальных, связанных с этим районом.

9 июля 1879 г. вновь собирается особое совещание, подтвердившее принятое ранее решение о возвращении основной части Илийского края Китаю. Оно также рассмотрело вопрос о поселении в той части края, которая должна была отойти к России, дунган и представителей других не китайских народностей Синьцзяна, не пожелавших оставаться в подданстве Китая⁹⁶ и намеревавшихся уйти в пределы России вместе с русскими войсками.

Русско-китайские переговоры завершились 20 сентября 1879 г. подписанием в Ливадии так называемого Ливадийского договора о возвращении Илийского края Китаю⁹⁷. Цинское правительство уступало небольшой западной участок долины Или и долину Текес для «поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство», а также важный район Музартского перевала через Тянь-Шань⁹⁸, связывавший кратчайшим путем Илийский край с Восточным Туркестаном. На всей территории Северо-Западного Китая (до Великой китайской стены) и в Монголии русским купцам предоставлялось право ведения беспошлинной торговли (ст. XII)⁹⁹. Они получали также и некоторые другие льготы. При возвращении Илийского края Китаю цинское правительство обязывалось выплатить России 5 млн. руб. в качестве компенсации за расходы по содержанию оккупационных войск и управлению краем¹⁰⁰.

Условия Ливадийского договора вызвали недовольство влиятельных придворных кругов цинского Китая; маньчжуро-китайские власти отказались ратифицировать подписанный Чун Хоу совместно с уполномоченными России документ. Победы, одер-

⁹⁶ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 1351, л. 50; АВПР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1878—1879, д. 8, л. 244.

⁹⁷ АВПР, ф. Китайский стол, 1879, д. 1325, л. 1—20.

⁹⁸ Там же, л. 4.

⁹⁹ Там же, л. 7.

¹⁰⁰ Там же, л. 3.

жанные цинскими войсками при помощи китайских помещичьих армий из Хунани и Аньхуя над тайпинами, наньцзюнями, мусульманами Шэньси, Ганьсеу и Цинхая и уйгурско-дунганскими повстанцами в Синьцзяне, способствовали росту националистических и великодержавно-шовинистических настроений среди маньчжурских и особенно китайских феодально-помещичьих кругов. Недовольство правящей верхушки Китая вызывала прежде всего уступка долины Текес и Музартского перевала. Чжиллийский наместник Чжан Чжидун в своей докладной записке по поводу Ливадийского договора расценивал его как «унижение империи» и подчеркивал то большое значение, которое имел Илийский край для сохранения господства цинского Китая в Центральной Азии¹⁰¹. Против ратификации Ливадийского договора цинское правительство активно подстрекала Англия¹⁰². Некоторые влиятельные маньчжурские и китайские сановники, особенно представители так называемой «сянской» китайской феодально-помещичьей клики — Цзо Цзунтан, Чжан Чжидун и др., даже высказывались за войну с Россией¹⁰³. Цинские власти начали укреплять границы Китая и закупать оружие у других стран, а вблизи района Или размещать обученные на европейский манер войска¹⁰⁴, общая численность которых составляла 40—50 тыс. человек и которые считались тогда лучшими в Китае¹⁰⁵. Англия в это время направила в Китай специальную военную миссию во главе с палачом тайпинского восстания полковником Ч. Гордоном для подготовки китайских войск к войне с Россией. Ответные мероприятия стала проводить и Россия. Она увеличила вооруженные силы на границах с Китаем и послала на Дальний Восток эскадру под командованием адмирала Лесовского. Эти меры, а также напряженное внутреннее положение Цинской империи, пытавшейся тогда противостоять новому наступлению западноев-

¹⁰¹ АВПР, ф. СПб. Главного архива I—9, 1880—1881, д. 6, л. 631—632.

¹⁰² Там же, л. 633.

¹⁰³ Там же, л. 631—633.

¹⁰⁴ *Hsü I.C.Y. The Ill Crisis. A Study of Sino-Russian Diplomacy 1871—1881.*

¹⁰⁵ См. *Сосновский Ю. А. Экспедиция в Китай 1874—1875, т. I, ч. 1. М., 1883, с. 703, 705.*

ропейских и американских колонизаторов на суверенитет Китая, вынудили Пекин пойти на компромисс с Петербургом.

В результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. финансы России были расстроены; в стране складывалась революционная ситуация. Поэтому и царское правительство искало компромисса с Цинской империей¹⁰⁶. Указанные причины обусловили возобновление русско-китайских переговоров. В Петербург летом 1881 г. прибыл новый уполномоченный маньчжурского двора, бывший китайский посланник в Лондоне Цзэн Цзицзе — сын и преемник руководителя хунаньской феодально-помещичьей клики Цзэн Гофаня.

Хотя сам ход переговоров, в которых со стороны России участвовали Н. К. Гирс, А. Г. Жомини и Е. К. Бюцов, достаточно широко освещается в литературе¹⁰⁷, однако некоторые их аспекты, связанные с территориальными вопросами, нуждаются в уточнении. Для этой цели следует обратиться к русским архивным документам, а также изданному в Шанхае в 1897 г. «Отчету миссии Цзэн Цзицзе», в котором помещены варианты протоколов переговоров Цзэн Цзицзе с русскими уполномоченными в 1881 г.¹⁰⁸

Учитывая сложившуюся обстановку, особое совещание, состоявшееся 13 августа 1881 г., решило отказаться от притязаний на долину р. Текес и Музартский перевал и ограничиться небольшим участком на западе Илийского края¹⁰⁹. На другом совещании была вынесена рекомендация — пойти на уступки китайской стороне также и в торговых вопросах, продолжая переговоры в «миролюбивом духе»¹¹⁰. Это облегчило ход дальнейших русско-китайских переговоров, и в результате Цзэн Цзицзе выразил согласие передать России «западную окраину Или по уже вырешенной границе (речь шла об условиях Ливадийско-

¹⁰⁶ См. Милютин Д. А. Дневники 1873—1882, т. 3. М., 1950, с. 280—283.

¹⁰⁷ См. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895, с. 234—237.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Машинописные копии, оп. 742/2, 1916, д. 28, л. 6—25.

¹⁰⁹ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, д. 582, л. 2—6.

¹¹⁰ Там же, л. 102—107.

го договора 1879 г. — Б. Г.)»¹¹¹. За отказ русской стороны на притязания на р. Текес и Музартский перевал Цзэн Цзицзе выразил согласие на пересмотр русско-китайской границы в районе оз. Зайсан и р. Черный Иртыш¹¹², чтобы устранить неудобства, связанные с традиционными перекочевками казахов.

По вопросу о разграничении между Ферганской областью и Восточным Туркестаном («кашгарская граница») на одном из первых же заседаний Цзэн Цзицзе высказался за «старое направление границы Якуба»¹¹³, имея в виду те захваты, которые правитель государства Йеттышаар сделал за счет территорий Кокандского ханства. Однако русские уполномоченные отказались дать на это свое согласие, ссылаясь на соглашение, достигнутое А. Н. Куропаткиным во время его переговоров с Якуб-беком в 1876 г. Е. К. Бюцов заявил: «Если придерживаться старой кокандской границы, России надо продвинуться на китайскую сторону на 160 ли (т. е. на 80 км), по теперешнему же договору Россия, наоборот, отступает на запад в целях лучшей защиты»¹¹⁴. Наконец, была достигнута договоренность, что в процессе будущего разграничения на месте следует «придерживаться линии, теперь контролируемой обеими сторонами»¹¹⁵, что означало уступку Китаю со стороны русских властей.

Тогда же был поднят вопрос о зверствах маньчжуро-китайских карателей в Синьцзяне, и прежде всего в Урумчи и Манасе. «По свидетельству русских очевидцев, — заявил на одном из заседаний Бюцов, — убийства и поранения происходили и не во время сражения»¹¹⁶.

12 (25) февраля 1881 г. Н. К. Гирсом и А. Г. Влангали от России и Цзэн Цзицзе от Китая был подписан так называемый Петербургский договор о возвращении Россией Китаю Илийского края с центром в г. Кульдже и о предоставлении российским купцам торговых льгот и привилегий в Китае и Монголии. По

¹¹¹ АВПР, ф. Машинописные копии, оп. 742/2, 1916, д. 28, л. 14.

¹¹² Там же, л. 49.

¹¹³ Там же, л. 20.

¹¹⁴ Там же, л. 44.

¹¹⁵ Там же, л. 51.

¹¹⁶ Там же, л. 18—19.

условиям договора к России отходила лишь небольшая западная часть Илийского края «для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны будут покинуть земли, которыми владели там» (ст. VII)¹¹⁷. По настоянию русского правительства цинские власти обязались принять «соответствующие меры» к ограждению жителей Илийского края, участвовавших в уйгурско-дунганском восстании, «от личной или имущественной ответственности» (ст. II)¹¹⁸, населению края предоставлялось право «остаться на нынешних местах жительства... в китайском подданстве или же выселиться в пределы России и принять российское подданство» (ст. III)¹¹⁹.

Условия исправления границы в районе оз. Зайсан и Черного Иртыша предусматривали, что территория Южного Алтая полностью войдет в состав России¹²⁰. По вопросу о разграничении между Ферганской областью и Восточным Туркестаном предусматривалось в дальнейшем назначение обоими правительствами комиссаров «для осмотра границы и постановки граничных знаков между принадлежащею России областью Ферганскою и западною частью принадлежащей Китаю Кашгарской области. В основание работ комиссаров будет принята существующая граница»¹²¹.

Таково было решение территориального вопроса по Петербургскому договору 1881 г. Наряду с этим цинскому правительству надлежало выплатить русскому правительству 9 млн. руб. «на покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края», и на удовлетворение всех денежных исков русских подданных, интересы которых пострадали в период восстания¹²².

Россия получала право учредить дополнительно свои консульства в городах Сучжоу (Цзяюйгуане) и Турфане, а также «по мере развития торговли и по соглашению с китайским правительством» — в городах

¹¹⁷ Русско-китайские отношения, 1689—1916, с. 56.

¹¹⁸ Там же, с. 55.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, с. 56.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, с. 56.

Кобдо, Улясуае, Хами, Урумчи и Гучэне (ст. X) ¹²³. Право беспошлинной торговли, ранее предоставленное русским купцам в Монголии, распространялось теперь и на Притяньшанье (ст. XII) ¹²⁴.

Что касается общей оценки Петербургского договора 1881 г. китайской стороной, то представляет интерес донесение в Петербург русского посланника в Китае Е. К. Бюцова, который писал: «По приезде моем в Пекин я обменялся визитами с князем Гуном и китайскими министрами... Высказанное ими мне радушие и вниманье... поразили меня, до такой степени они составляли резкую противоположность с сухими приемами... в прежнее время. С жаром высказывали они свое удовольствие... в установлении состоявшегося в С.-Петербурге соглашения» ¹²⁵. Современные буржуазные исследователи, например американский китаевед Э. Сю, считают, что Петербургский договор «явился... первой победой китайской дипломатии в XIX в., хотя Россия получила значительные выгоды» ¹²⁶. Он также пишет, что «через два дня после подписания Петербургского договора Цзэн Цзицзе в меморандуме трону заметил, что Китаю повезло в том, что он имел конфликт с Россией в то время, когда последняя испытывала большие внутренние и внешние трудности, и со всей серьезностью подчеркнул, что такого благоприятного для Китая стечения обстоятельств впрямь вряд ли можно будет ожидать» ¹²⁷.

Подобная оценка Петербургского договора перекликается с рассуждениями современника тех событий К. Скальковского, утверждавшего, что договор явился «пораженцем нашей (русской. — Б. Г.) дипломатии». В частности, он писал: «...Кульджинское ханство богато пшеницею и каменным углем, т. е. именно тем, чего нам не доставало в Туркестане. Оно уже заселялось казаками и переселенцами. Отдать, следовательно, добровольно такой лакомый кусок китайцам, права которых на Кульджу были потеряны и равносильны

¹²³ Там же, с. 57.

¹²⁴ Там же с. 58.

¹²⁵ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. 1, д. 700, л. 218.

¹²⁶ Hsu I.C.Y. The Ili Crisis. A study of Sino-Russian Diplomacy 1871—1881, p. VII.

¹²⁷ Ibid., д. 138.

правам Испании на Голландию, Англии на Соединенные штаты и Турции на Греческое королевство, очевидно, не следовало...»¹²⁸ Некоторые современники отмечали, что денежная сумма, назначенная по договору для выплаты России, была значительно меньше тех расходов, которые маньчжурское правительство могло понести, «если бы ему пришлось водворяться в Кульдже силой...»¹²⁹.

Ряд русских военных деятелей в свое время подчеркивали также стратегическую важность Илийского края, обращая внимание на то, что возвращение его под контроль Цинской империи значительно упрочивало позиции маньчжуро-китайского правительства на границах Китая с Западной Сибирью, Казахстаном и Средней Азией¹³⁰.

С заключением Петербургского договора 1881 г. связано переселение мусульманского населения Илийского края — уйгур, дунган и казахов — в пределы России (Семиречье). Это предусматривалось условиями договора. Несмотря на объявление цинскими властями амнистии и усиленную агитацию их эмиссаров в пользу того, чтобы жители края оставались на своих местах, уйгуры, казахи и дунгане, опасавшиеся расправы маньчжуро-китайских карателей, еще до заключения Петербургского договора начали, как отмечалось выше, добиваться русского подданства и разрешения на переход в пределы Российской империи. Желавших переселиться в Казахстан и Среднюю Азию оказалось примерно 100 тыс. человек (почти все уйгуры и казахи, а также большая группа дунган)¹³¹, что ставило в трудное положение русскую администрацию. Накануне вступления в Кульджу маньчжуро-китайских войск многие жители буквально в панике покидали Илийский край.

¹²⁸ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897, с. 457.

¹²⁹ Б. Б. О. О двух договорах, заключенных между Россией и Китаем в 1879 и 1881 годах. — «Отголоски», 1881, № 10, с. 497.

¹³⁰ См. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и верховья Желтой реки. М., 1948, с. 358; Куропаткин А. Н. Указ. соч., с. 189; Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1909, с. 96.

¹³¹ ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, оп. 1, д. 4861, л. 25.

Учитывая ограниченность земельных фондов Казахстана и Средней Азии, русская администрация Туркестана не могла принять всех желающих переселиться из Илийского края в Россию. Общее число уйгурских, казахских и дунганских переселенцев составило в конце концов примерно 70 тыс. человек, принявших добровольно российское подданство¹³².

Таким образом, действия русского правительства в «Илийском вопросе» были далеко не импульсивными, как пытаются представить их китайские авторы, а исходили из конкретных условий, порожденных кризисом цинских властей в Синьцзяне, интересами развивающегося русского капитализма, англо-русскими противоречиями и заботами о безопасности новых владений России в Казахстане и Средней Азии.

Со всей определенностью можно в то же время заключить, что Цинская империя не имела никаких исторических прав на земли, отошедшие к России в результате заключения Петербургского договора 1881 г. Несмотря на то что в трудах В. И. Ленина нет прямой характеристики этого договора, однако в «Тетрадах по империализму», в «Таблице колониальных захватов и войн», которую он составил к конспекту работы немецкого историка Альбрехта Вирта «Всемирная история современности» и к другим материалам, упоминается о возвращении Илийского края Китаю как о факте, знаменовавшем наряду с важнейшими событиями последней трети XIX в. конец доминирующей стадии капитализма. Ленинскую формулировку «Кульджа возвращена (81)»¹³³ следует понимать как признание удовлетворительного для Китая решения «Илийского вопроса».

Хотя в ходе решения «Илийского вопроса» царское правительство преследовало прежде всего собственные цели, отражавшие интересы господствовавших тогда в России буржуазно-помещичьих кругов, объективно его политика в ряде случаев совпадала с интересами народов Центральной Азии.

¹³² ЦГИА Казахской ССР, ф. 21, 1871—1882, д. 4913, л. 6.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 489.